

Светлана Морозова

12+

А я такая, вот такая,
боевая, неспокойная я

Светлана Морозова

**А я такая вот, такая
боевая, беспокойная я**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Морозова С. П.

А я такая вот, такая боевая, беспокойная я / С. П. Морозова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга «А я такая вот, такая боевая, беспокойная я» о детях, чьи школьные годы прошли с 1948 по 1958 годы – время правления Сталина и Хрущева. Это было непростое время, когда страна восстанавливала свое разрушенное войной хозяйство. Дети того времени были активны. Они любили читать книги, играть в спортивные игры, ходили в походы. Объединенные в пионерские организации, они воспитывались в духе патриотизма и любви к своей Родине – СССР, которую считали самой прекрасной страной мира.

Я родилась Хакасии в августе сорок первого года Змеи. Звезды сполна отметили меня своей печатью. Подвижная, вертлявая, стремительная в делах и движениях, первая не нападаю, но если что – мало не покажется. Любопытная и любознательная, как кошка, и всегда старалась быть лидером. Я благодарна за эти качества родителям и Господу. Назвали меня Светланой, в честь дочки Сталина. Родилась я черноголовой, но как-то быстро оказалась белобрысой, до юности меняя этот цвет на цвет светлого меда, как у мамы.

В 1946 году мама вышла замуж за Левого Петра Георгиевича, так как мой отец Харламов Александр Иванович считался без вести пропавшим с 1942 года. Левый работал главным энергетиком завода в нашем поселке ЦЗЗ, что означало Центральный Золотоизвлекательный Завод. В тот же год мы выехали из Хакасии в Башкирию, Минцветмет предложил папе работу в Уфе.

Мама уговорила поехать с нами Дусю Привалову, подругу из дальней родни. Во время раскулачивания ее семья пострадала. У них отняли землю, на которой они растили рожь и пшеницу, скот, лошадей, дом и все имущество, так как они отказались вступать в колхоз. Старших детей Приваловых – Дусю и Машу отправили в лагерь, а мать и отца с малолетками Васей и Колей увезли в тайгу на поселение. Рано утром, погрузили в телегу, разрешив взять самые необходимые вещички и одежду, и увезли в тайгу далеко от родного села. Высадили на поляне, выдав пилы и топоры, чтобы можно было соорудить землянку. Было лето, они устроились кое-как, тайга кормила до осени. Потом вся семья умерла от голода и холода. Маша так и пропала где-то, а Дуся выжила. Она не раз убежала, но ее находили и возвращали в тюрьму продолжать мыкать горе по лагерям да пересылкам. Ее освободили в середине войны и она пришла к нам, больше некуда. Вся большая семья погибла, Дуся одна выжила. Она стала моей няней, я звала ее Леля-Дуся и очень любила ее, добрую, красивую и ласковую, с глазами, в которых где-то изнутри всю жизнь проглядывала боль.

Как мы ехали поездом в Башкирию я хорошо запомнила. Зима, жуткая холодрыга, с пересадками и вынужденным сидением на вокзалах, переполненных возвращающимися с войны военными и уезжающими в родные места эвакуированными во время войны людьми. Поездов было мало, до Башкирии мы добирались почти месяц. На вокзалах с едой было скудно, только кипятки, хлеб и кое-что от населения, приносящего продукты. У нас с собой был чемодан с сухарями, пряниками, сахаром, салом и картошкой.

Народу было столько, что стоять даже иногда было негде, пока не схлынет толпа в уходящий поезд. Во время стоянок, из вагонов народ кидался на станцию набрать кипятку из-под крана и купить еды. На вокзале днем все стоят, ночь настала, легли на пол – где стояли, подложив под голову вещички. Ворье шныряло везде! Чтобы не потерять меня в толпе, Левый носил меня на закорках. Как-то у него свалились очки, кто-то наступил и они разбились. Была бы беда, если бы не было запасных, которые он для верности связал потом шнурком за ушами.

От холода и сквозняков люди простывали, разносили болезни, не имея возможности получить медицинскую помощь. Врачей мало, лекарств не достанешь. Где-то в середине пути нам пришлось ехать без остановки на открытой площадке, мы едва успели заскочить в последний вагон, а проводница, не заметив нас, закрыла тамбур. Мы долго грохотали кулаками по закрытой двери, пока она не услышала нас и открыла. Хорошо, что мы были в тулупах и лунтяях – меховых сапогах, расшитых узорами из цветных кожаных ленточек, а на меня было накинуто ватное одеяло. Не замерзли, отделались соплями. Но я все-таки потом подхватила корь. К счастью нашелся врач, и нас изолировали в отдельное купе, где нам была благодать. Я была в ужасном состоянии недели две и все-таки выкарабкалась. Сибирячка же, кедровыми орешками вскормленная, дед Евдоким их из тайги кулями летом возил на лошадке, которая у него была с тех далеких времен, когда вся семья укатила на ней в тайгу, спасаясь от преследования во время раскулачивания.

После революции крестьянам раздавали землю и работающий Евдоким с шестью братьями постепенно стал богатым. Зерно молотили на своей мельнице, сеялками, веялками обзавелись, нанимали на работу тех, кто не сумел распорядиться своей землей, бездельников. Рассчитывались с батраками мукой и маслом конопляным, которое сами выжимали. Дома построили, жили, горя не зная, и тут эта коллективизация, раскулачивание. Тех, кто потом и кровью работал на своей земле не покладая рук, стали притеснять. Евдокима с братьями тоже хотели отправить в далекие края, отобрав все нажитое честным трудом на данной им во владение землей. В колхоз, делить свое нажитое с бездельниками не хотели! Евдокима предупредил его бывший батрак, который уже был активистом-коммунистом при сельсовете:

– Беги, Евдоким Тарасыч, рано утром придут за вами, ты в списке! Прости, не могу тебя защитить, сам знаешь, что творится. Я тебя всегда уважал, беги куда подальше, с глаз долой, пока не нагрянут!

Евдоким с бабой Олей и двухгодовалой дочкой Ниной, пока не рассвело, уложили на две телеги, что могли, и на лошадях помчались в тайгу, потом до далеких родных, ища прибежища. Одну лошадь пришлось на мясо пустить, надо же их кормить овсом, а где взять-то его в тайге? Другую сберегли. Так и добрались до ЦЗЗ, где дед сначала работал на разработках на своей лошади за гроши. Жили в жутких условиях в бараке, малютка Нина было больная. И Баба Оля уговорила Евдокима:

– Нет, дед, с такой жизнью пропадем! Лошадь загубишь, камни возить ей не под силу, не та порода! А Нине нужна здоровая пища и молоко, иначе хана девчонке, уже рахит начинается. Давай-ка ты с лошадкой на заготовки в тайгу с ребятами отправляйся, иначе каюк нам всем будет! надо как-то выкарабкаться!

И Евдоким с тех пор где-то подрабатывал, а с весны до осени ездил в тайгу, орехи кедровые колотил, серу – смолку кедра заготавливал, грибы, ягоды, рыбу солил и сушил, ему помогали два взрослых сына. Все добытое продавали, накопили денег и купили корову. Так и остепенились, сначала домик снимали, а когда Саша, отец мой, на фронт отправился, мама получила квартиру, куда все поселились и остались жить, а мы уехали в Башкирию.

Мы тащились еле-еле с пересадками на осточертевших поездах. Леля-Дуся во время остановок, на станциях добывала еду. Как-то в очереди за кровяной колбасой чуть не отстала от поезда, еле заскочила на подножку ступени, поранив коленку ноги, которая у нее с детства была короче и она хромала. Бедняжка, она стойко переносила все невзгоды, закаленная лагерными тяготами, все преодолевала, моя любимая добрая Леля-Дуся.

На исходе зимы мы добрались до Уфы, где Левому обещали работу. Но мы так долго тилипали по железке, что место его было уже занято и Министерство направило его в Миндык, главным энергетиком завода. Там мы до весны жили, снимая комнату у старухи, пока не освободился дом папиного предшественника.

Старухин дом был на самом краю поселка, на пригорке. Утром все уходило на работу, старуха целый день во дворе и на кухне возилась, а я сидела на подоконнике, играя с лысой куклой, у которой отодрала половину волос. По комнате иногда бегали мыши, шурша и попискивая. Я их сначала боялась, было страшно, но потом смело кидала в них мячом, и они сразу же, недовольно повозившись, куда-то девались ненадолго, и потом снова начинали свою мышиную возню с писком и шуршанием в безуспешных поисках крошек хлеба.

Окно в комнате с утра было разрисовано красивыми снежными узорами, и я ладошками выскребала и протапливала дырочки, сквозь которые можно было разглядеть домики, которыми был усеян пригорок, и ходили люди. Больше ничего интересного не было. Я ждала, когда обеду ярко засветит солнышко и стекло полностью очистится ото льда. Иногда играла мячиком, пеленала несчастную облысевшую куклу, разговаривала с ней и смотрела книжки с картинками. Когда наступало время обеда, старуха приносила мне алюминиевую мисочку супа и кусочек черного хлеба, с намазанным на нем тонким слоем масла. Суп, с маленьким кусоч-

ком мяса, пшеном и картошкой, был невкусный, от него пахло, как пахнет вода после мытья посуды, и я его ела только чуть-чуть, хоть старуха и ругалась. Хлебушек был вкуснее, я его запивала сладким чаем с молоком. Старуха со мной не разговаривала, говорила, что ей некогда со мной цацкаться, дел невпроворот по хозяйству, чтобы со мной возиться! – корова, овцы, куры... После обеда она укладывала меня спать и уходила к себе.

Когда темнело, приходили мама и Леля-Дуся. Папа влзвращался поздно. Мама приносила что-нибудь вкусненькое – крабы, пряники с глазурью и намазывала мне на кусочки черного хлеба масла побольше, чем старуха. Спала я на кровати с Лелей-Дусей в углу за печкой, там было тепло. Я часто просыпалась по ночам, хотелось есть. Леля-Дуся всегда держала под подушкой два теплых кусочка черного хлебушка намазанных маслом, Вкуснее этого я ничего на свете не встречала. Я ела, Леля Дуся собирала с подушки крошки хлеба в ладошку и отправляла в рот. После этого я спокойно засыпала, уткнувшись в темные волосы Лели-Дуси, которые она днем красиво укладывала, накручивая их на тряпичный валик вокруг головы, а перед сном распускала. Их было много, они были теплые и пахли ромашкой.

В начале весны мы переселились в центр поселка в небольшой дом, который освободила семья бывшего энергетика. У Левого был чемодан довоенных пластинок и патефон и мы обменяли его на корову. Мама работала продавщицей единственного магазина в поселке, где было все, от продуктов до сапог и лопат. У мамы сохранилась фотография, где она на фоне полок, заполненных здоровенными буханками черного хлеба, консервными банками с названием СНАТКА – Крабы, и бутылками с водкой и портвейном. Мама перестала прстала работать в магазине незадолго до рождения сестры Ларисы.

Леля-Дуся работала воспитательницей детского сада, куда я ходила. Там тоже кормили пшеничным супчиком, но зато давали очень вкусную манную кашу, сладкий чай или кисель с кусочком хлеба. Хлеб раздавала Леля-Дуся, кладя его в наши протянутые ручки, при этом она старалась отрезать мне кусочек хлебца чуть побольше, чем другим детям.

А в апреле 1947 года вдруг появился мой папа Александр Харламов. Оказалось, что после окончания Тюменского пехотного училища в августе сорок второго года, был направлен на фронт командиром взвода, защищал Сталинград на подступах к реке Дон, которая текла в его родной Ростовской области. Самая первая атака фашистов принесла советской армии большие потери. Отец был ранен в голову и попал в плен среди сотен таких же беделог, которых гнали в концлагеря Германии. Он выжил, четыре года проведя в адских условиях нечеловеческого существования и дождался – лагерь освободили американцы. Можно было возвращаться на Родину, но друг уговаривал его:

– Сашка, ты пойми, нельзя нам домой соваться на погибель! Мы для энкэвэдэшников предатели, в плену были у врага! – нас мигом на Колыму упекут. Поехали во Францию, там спасемся!

Но отец хотел домой к Тоне и дочке Светочке, которую он не видел. Друг отправился во Францию, там у него были родственники, покинувшие Россию еще до революции. Он оставил отцу адрес:

– Запомни на всякий случай, да подумай хорошенько, не торопись на посулы! – наши загребут, как пить дать! А если что – доберись до меня.

Так и оказалось! Свои отправили отца в Коми на госпроверку, где долго разбирались, а потом определили на поселение в Печеру, не найдя особого преступления, за которое дают тюремные сроки в лагерях.

А в сорок седьмом году отец вдруг объявился на ЦЗЗ у Евдокима и бабы Оли. Узнав, что мы уехали, он погостил пару дней, забрал свою одежду, оставленную мамой, и отправился к нам в Миндяк. Приехав, нашел Лелю-Дусю. Она устроила его в приезжей и побежала к маме. Мама как раз собиралась закрыть магазин и тут влетела Леля-Дуся. Запыхавшаяся, она сдернула с

шеи косынку и, схватив с прилавка стакан с водой, плюхнулась на стул. Напилась и, утерев рукой рот, ошарашила маму:

– Тосинька, Сашка приехал!

– Да ты што, откуда?

Недавно приехал, нашел меня, я его в приезжей устроила и к тебе. Он пошел к Петру Георгиевичу.

– Ой, лишенько мне, что теперь будет-то? – заголосила мама.

– Да не реви ты, самой тошно! А куда деваться? – идти надо, пока не поздно, мужики, они как петухи, от них всего жди!

– Я одна пойду, Дусенька, а ты Светлану забери с собой к подружке, завтра сразу в садик идите.

Мама шла к дому, не чуя ног. А в дом уже вошел мой отец. Левый только пришел с работы и ставил на плитку кастрюлю с супом. Отец сказал с порога:

– Харламов Александр Иванович.

– Проходи!

Отец прошел к столу. Левый пожал протянутую руку, представился и спросил:

– Щи будешь?

– Буду!

Когда мама вошла в дверь, мужики мирно хлебали щи, стуча ложками. Она закрыла дверь, и стук ложек прекратился. Левый встал, убрал со стола тарелку на кухонный стол и сказал:

– Мне надо на работу, в котельной авария, приду под утро.

И ушел.

Маму потрясли волосы отца, которые стали совершенно белыми. Она плакала, слушая его скупой шадящий рассказ про страшные годы. Отец сказал, что освободился, устроится и заберет нас, если мама согласна. Завтра вечером уезжает. Мама обещала ждать. Когда Левый пришел, отец уже ушел.

В детсаде Леля-Дуся сказала мне, что приехал мой папа и хочет меня видеть, ждет нас на пригорке. Увидев отца, я прытью помчалась к нему, он подхватил меня на руки и прижал к себе. Я обняла его, мы плакали, а недалеко стояла Леля-Дуся и вытирала слезы кончиком платка. Отец, быстро-быстро проговаривая ласковые слова, гладил меня по голове, целовывал мои слезинки и счастливо смеялся. Он мне понравился! На нем было красивое пальто с серым каракулевым воротником и шапкой, которые он забрал у бабы Оли в Сарале. Потом мы сидели, обнявшись, на большом камне, где он подстелил пальто, и говорили-говорили, счастливые от встречи. Он принес мне в подарок большой кусок сахара, который я посасывала. А недалеко ходила Деля-Дуся и слушала нас, утирая слезы.

Потом мы вернулись в детсад, пора было обедать. Папа поцеловал меня и сказал:

– Светик мой голубоглазый, цветочек мой любимый, анютины глазки, покушай, поспи, а я буду вас ждать на пригорке.

Спать я никак не хотела, но все-таки уснула. А потом мы с Лелей-Дусей помчалась к моему папе, которого я очень полюбила. Он сидел на камне, рядом лежал вещмешок, а на дороге стоял грузовик. Папа сказал, что он очень любит меня и маму, сейчас ему надо уехать, но он вернется и заберет нас с собой туда, где тепло, растет виноград, яблоки и есть море.

Грузовик забибикал, папа встал с камня, одной рукой кинул на плечо вещмешок, другой поднял меня и прижал к груди. Леля-Дуся подошла к нам и мы пошли к машине. Папа бросил в кузов вещмешок, крепко прижал меня к себе и поцеловал три раза. В глазах его были слезы, кадык на шее ходил ходуном, он сглотнул, опять крепко меня прижал и, поставив на землю, рывком взлетел в кузов. Машина тронулась, мой папа стоял, подняв руку и глядя на нас, пока машина не скрылась за пригорком. Мы с Лелей-Дусей зашли к маме в магазин, потом домой.

Папа был недоволен:

– Ты чо, совсем сдурела, Авдотья? Светлане надо ко мне привыкать, а ты ее потащила! – на кой черт девчонке какого-то отца знать, его она не больше не увидит, а будет ждать! Чего ты хотела?

– Дак, жалко Сашку-то, намыкался по лагерям-то у немцев и у нас. За что страдал?! – что раненый не пустил пулю в лоб, виноватый, что выжил? Навидалась я таких несчастных, перед людьми опозорили, от семьи оторвали, детей сиротами оставили! А бабам какво? – одна-то вырастить намаешься, кому она нужна, чужих детей никому не надо, таких как ты, на всех не хватит, поубивали...

Втайне от Левого, она рассказала маме о нашей встрече, и добавила:

– Что-то не верю я Сашке-то! – про командировку что-то говорил, вроде за семьей отпустили... Чует мое сердце – сбежал! Что-то не складывается, а если так, то плохо! – эти волки рыть будут, пока не вернут, да еще и добавят!

А мама рассказывала мне уже в конце жизни, когда она жила со мной, что она всю жизнь ждала Сашу, а он обманул, не приехал, она обиделась на него. Сказала, что только его одного любила. Даже сгоряча сожгла его фото и брата Святослава.

Мне было странным ее признание, что она только Сашу любила. Мама с Левым всю жизнь были счастливой парой, никогда не было ссор между ними, они спокойно решали все проблемы, обсуждая и рабочие дела. У мамы было всего четыре класса школы, а у папы незаконченное высшее, но она, благодаря папе стала образованной. Папа был человеком с энциклопедическими знаниями, разбирался во всем, в том числе и в политике. И мы от него учились всему, читая книги и газеты.

В 1948 году мама родила Ларису, а Левый удочерил меня, и я стала звать его папой. В тот же год пошла в школу. Школа была одна на весь поселок, в нее еще привозили детей, которые жили маленьком поселке для рабочих, живущих в районе золотоискательных разработок.

Подружкой моей в то время была Ирка, белобрысая девчонка, забияка, а так как я все могла стерпеть, не давая сдачи, то она любила надо мной поиздеваться. Как-то мы играли возле ее дома в прятки недалеко от сарайчика ля кур. Сарайчик, высотой чуть выше моего роста, был обнесен сплошным забором с калиткой. Я Ирке искала везде – нет Ирки! Открыла калитку, где куры, и точно – на насесте за петухами торчит. Я к ней, а она соскочила с насеста, выскочила мигом за калитку, закрыв ее снаружи и прокукарекала:

– Кука-реку, не догонишь, не догонишь!

И что мне делать? – я даже заплакала, Ирка такая, что можно до вечера не дожидаться! А потом все-таки я сообразила, немного повозилась с замком и выскочила, не закрыв калитку, назло Ирке! – пусть родители выдадут ей, замучится за петухами бегать! И еще я поняла, что надо давать сдачи. Когда мы встретились на следующий день, она сказала:

– Ты чо наделала? – я же пошутила, просто убежала поесть, а про тебя забыла. Папа меня за тебя ремнем отхлестал, мы пришли, а ты уже убежала и куры разбежались, и папа заставил меня загонять кур. Я еле справилась, а папа смеялся и не помогал.

– Вот и хорошо! – а я тебе щас еще добавлю, чтоб знала!

Схватила стоящую возле крыльца метлу и отхлестала ее, гоняя по двору. Она с тех пор присмирела и больше не задиралась.

Через дорогу от нас жил прокурор Цапин, с женой, ее все звали Цапихой. Она не работала, целыми днями пела и играла на пианино. Услышав впервые ее пение и игру, я подошла к калитке и стояла, слушая волшебные звуки. Она вышла, увидев меня из окна, очень красивая и молодая, она была одета в атласный длинный китайский халат, расписанный павлинами.

– Ты, кажется, дочка Антонины Васильевны, портнихи? Нравится, как я пою?

– Очень!

– Я Инесса Владиславовна, зови меня просто Инессой, а тебя как тебя зовут?

– Светлана.

– Красивое имя! Ну, заходи, поиграю тебе.

В комнате кроме пианино было много книг и интересных вещей. На пианино стояли канделябры со свечами, много ваз с засушенными цветами в красивых хрустальных и фарфоровых китайских вазах с павлинами, картинами и разные шкатулочки. Пока она пела и играла, я рассматривала корешки книг. Марина Цветаева, Анна Ахматова, Чехов, Блок, Гюго и еще много не известных мне авторов. Заметив мой интерес, она спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.